

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 316.4

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА: МИКРОСТРАТЕГИИ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

ЩЕКОТИН Е.В.

АННОТАЦИЯ

В статье представлен критический анализ «милитаристической» идеологии безопасности. Рассмотрены особенности «катастрофического сознания» в современном обществе всеобщего риска. Предложена идеология построения систем безопасности на основе «качества жизни».

Ключевые слова: идеология безопасности; общество риска; риск; катастрофа; катастрофическое сознание; качество жизни.

SECURITY PROBLEMS IN THE RISK SOCIETY: MICROSTRATEGY AND QUALITY OF LIFE

SHCHEKOTIN E.V.

ABSTRACT

The article presents a critical analysis of «militarist» ideology security. Considered are the peculiarities of «catastrophic consciousness» in the modern society of total risk. Proposed ideology of building security systems on the basis of «quality of life».

Keywords: the ideology of security; the society of risk; risk; disaster; catastrophic consciousness; quality of life.

Немецкий социолог Г. Бехманн отмечает, что современное общество устроено парадоксально – оно одновременно повышает безопасность и ненадежность [1, с.75]. На наш взгляд точнее будет: современное общество структурируется вдоль оси безопасное–ненадежное. М. Фуко называет его «общество безопасности» или «гарантийно-страховое» общество [2, с.47–48]. В своей работе «Безопасность, территория, население» М. Фуко показывает трансформацию отношений государства и населения. Вплоть до Нового времени основная задача государства была предоставлять территорию и гарантировать целостность границ. Сегодня задача государства – дать гарантию «от всего, что может породить неуверенность,

несчастный случай, ущерб, риск». Расширяется «поле безопасности»: в понятие безопасности включаются все новые сферы жизни, объекты, явления. Государство как гарант безопасности принимает на себя полномочия в сферах общества весьма далеких от изначальных целей обеспечения целостности территории и сохранения мира: в поле безопасности захватываются вопросы социальной защиты, здравоохранения, образования, правоотношений, экономики (экономическая безопасность), жизнеобеспечения (напр., продовольственная безопасность, экологическая безопасность и проч.) и т.п. «Государство, гарантирующее безопасность... обязано вмешиваться во всех случаях, когда течение повседневной жизни

нарушается каким-либо исключительным событием» [2, с.46].

Хорошо заметно это расширение «поля безопасности» на примере Стратегии национальной безопасности РФ (2009): помимо непосредственных направлений обеспечения национальной безопасности, таких как национальная оборона и государственная и общественная безопасность, в Стратегию включены такие направления как повышение качества жизни граждан, экономический рост, наука, технологии и образование, здравоохранение, культура и экология. Эти задачи являются достаточно новыми для государства – они появляются в последние 100–200 лет. Поле безопасности охватывается новые пространства, это требует пересмотра самого содержания понятия безопасность.

Функция государства по поддержанию целостности границ трансформируется в одну из разновидностей безопасности – национальную безопасность. Но число видов безопасности, которые включаются в область компетенции государства, становится больше: начиная от экономической и заканчивая духовной безопасностью. Сегодня проблема сохранения границ в прямом военном противостоянии практически не стоит (или стоит не так остро как 50–70 лет назад). Достижение господства переводится в иное измерение, где действуют абстрактные системы поддержания повседневных практик. Это не борьба идей и не информационные битвы: это уровень нашей обыденной жизни, повседневных взаимодействий, материальной организации «быта».

Поколению, чья юность пришлась на время разрушения советского мира, будут понятны эти интенции: советский строй потерпел поражение не в гонке вооружений и не в экономическом соревновании, противостояние было проиграно на уровне «образов жизни». Микростратегии повседневности «советского образа жизни» оказались бессильны против «американского». Поэтому модель безопасности, созданная для войны и противостояния, оказалась не действенной в тех случаях, когда речь идет о повседневности.

Американский социолог Х. Молоч замечает, что в основе модели безопасности, которую использует современное государство, лежит «милитаристическая» логика, основанная на идее секретности [3, с.156]. Однако когда такая логика экстраполируется на иные системы общества, прямо не связанные с процессами войны и мира, на сферу повседневности, она

во многом оказывается бессильна. Так, она уже не работает, когда используется для предотвращения терактов. Усиление секретности и контроля не позволяет избавиться от терроризма. Террористы приспосабливаются быстрее к новым запретам и ограничениям, чем государственные органы, т.к. они действуют на уровне повседневных процессов, которые государство не может контролировать полностью.

Причина, по которой прежняя логика обеспечения безопасности, перестает работать, кроется в онтологических особенностях самого современного общества. Если еще несколько десятилетий назад катастрофы, аварии, теракты, экономические кризисы, биржевые крахи и другие режимы нарушения «нормального» порядка повседневности были чем-то исключительным, то сегодня они становятся элементом повседневности. Они становятся обыденными явлениями. У. Бек, характеризуя современное общество как «общество риска» отмечает: «Общество риска есть общество, чреватое катастрофами. Его нормальным состоянием грозит стать чрезвычайное положение» [4, с.27]. Ему вторит П. Штомпка, который говорит о «нормализации кризиса», замене идеи прогресса идеей кризиса в конце XX века: «Люди привыкают мыслить в терминах локального или всеобщего кризиса – экономического, политического или культурного» [5, с.58–59].

Катастрофы (здесь термин употребляется в широком смысле – как фатальное нарушение нормального режима повседневности, мира «рутинного») перестают быть чем-то уникальным, единичным. Они «вживаются» в порядок «нормальной жизни». Свою роль здесь играют, безусловно, средства массовой информации, транслируя подробности о катастрофах, тем самым, приближая далекие события к нашей жизни. Но в первую очередь, это связано с формированием катастрофического сознания.

Катастрофа становится не следствием реализации угрозы, а результатом актуализации рисков. Важно подчеркнуть различие между этими понятиями: угроза – четко идентифицируемое опасное событие, оно известно, и часто закреплено в культуре, т.е. угроза уже существует как актуальная реальность. Системы безопасности, построенные на принципах милитаристической логики, направлены на противодействие именно угрозам, и все меры в рамках этих систем имеют целью нейтрализацию неблагоприятных последствий таких угроз-катастроф, идет ли речь о войне, извержении вулкана или аварии на АЭС.

Природа риска принципиально иная. Риск – это событие слабо идентифицируемое, порожденное неопределенностью (онтологической и гносеологической) и несущее в себе характерные черты этой неопределенности. Риск – это свойство среды, «жизненного пространства»; он существует как некоторая возможность, как потенциальная (может быть, виртуальная) реальность, которой еще предстоит актуализироваться в область действительного. Риск в большей мере «латентное» бытие, чем наличное.

О. Н. Яницкий отмечает, что современная катастрофа является «актуализацией среднего риска, средовым риском в действии» [6, с.7]. Но способы актуализации риска, ее механизмы и формы могут быть разнообразны и непредсказуемы, поэтому последствия таких катастроф во многом случайны, не прогнозируемы, и поэтому плохо поддаются калькуляции. Широко принятое определение величины риска как произведения вероятности события на размер возможного ущерба представляет собой лишь очень грубую оценку, которая позволяет только «прикинуть на глазок» масштаб возможных поражений. Эта формула построена на двух допущениях: статистика происшествий и принятая «норма» потерь. Но когда мы имеем дело с событиями по типу «черного лебедя», то здесь применение статистики не возможно, как правило, ее просто нет. Оценка возможного ущерба тоже представляет собой проблему, т.к. его произвести его в полной мере сложно – можно упустить нюансы, которые приведут к большим потерям в будущем. Например, можно оценить прямой материальный ущерб от разрушения каких-то объектов, но учесть косвенные потери (социальные, экономические, политические, репутационные и т.п.) практически не возможно в данный момент, эти потери имеют длительный период реализации.

Появление рисков как полноправных актантов социального действия ставит перед системами безопасности иные задачи, чем те которые были обусловлены существованием угроз. Существующие системы безопасности не справляются с действием современных катастроф, они не учитывают их специфику, и за счет того, что увеличивают секретность и некомпетентность, вносят дополнительную лепту в увеличение рисков возможных потерь.

Справедливым представляется суждение У. Бека: «Риск означает предощущение, осознание катастрофы» [7, с.6]. Когда мы говорим

о риске, вступают в действие тонкие материи, связанные с предчувствиями, ощущениями, интуициями и т.п. Формируется особый тип миропонимания, который В. Э. Шляпентох, В. Н. Шубкин и В. А. Ядов называют «катастрофическим сознанием». Катастрофическое сознание вырастает из страха перед будущим [8, с.13]. Т.к. страх будущего – одна из фундаментальных культурных универсалий, то катастрофическое сознание, по мнению авторов, имеет глубокие корни в культуре. Катастрофическое сознание в условиях современности основано на пессимизме относительно будущего и вере в грядущую катастрофу [8, с.58].

На наш взгляд, в современном посттрадиционном обществе катастрофическое сознание становится доминирующим типом общественного сознания. Разрушение традиционных форм социальной жизни (рода-семьи, религии и т.д.), которые «гасили» импульсы страха перед будущим, привело к тому, что катастрофизм стал общей установкой в отношении будущего. Детрадиционализированное общество являет нам будущее полное катастроф и катаклизмов, и человек оказывается беззащитен перед ними.

Конечно, речь не идет о массовой психологии, имеется в виду переосмысление базовых концептов культуры. Катастрофическое сознание наполняет новым смыслом хорошо известные понятия. Так, Дж. Урри, анализируя направленность движения современного общества, формулирует две идеи – «новый эпохализм», отражающее новое понимание исторического времени, и «новый катастрофизм», подразумевающий иную методологию научного познания. Новый эпохализм предполагает нелинейную концепцию времени и связывает это с разрывами преемственности, «взаимозависимых катастрофах в природной, климатической, продовольственной, водной и энергетической системах». Суть нового катастрофизма – исследование с позиций нелинейной методологии климатических изменений и их социальных последствий; осознание, что мы имеем дело со сложными системами, которые «обычно не движутся к равновесию»; понимание того, что «увеличивающуюся значимость приобретает продовольственная и водная безопасность», что «человеческие и физические системы существуют в состоянии динамического напряжения и особенно уязвимы перед динамическими нестабильностями»; анализ социума через призму сложных уязвимостей [9, с.8].

Новый эпохализм и новый катастрофизм указывают направления эволюции общественного сознания – риск осознается так, как будто он уже состоялся «в будущем». Образ катастрофы в контурах будущего вынуждает сегодня действовать, так, как будто риск уже стал реальностью. Являясь возможностью, риск становится чем-то вполне реальным и осязаемым. У. Бек вводит концепт «мирового общества риска», в котором «глобальный риск есть инсценирование реальности глобального риска» [10, с.10]. Инсценирование не является прямой фальсификацией, это способ проникновения катастрофы из будущего в локус настоящего: необходимость избегания катастрофы требует принимать решения уже сегодня. Действия, направленные на предупреждение рисков, оправдываются как опытом реальных катастрофам, так и их ожиданием.

Отсутствие культурных инстанций блокирования страха перед будущим инсценирует это будущее как катастрофу. «Не имеет значения, живем ли мы в мире, который «объективно» более безопасен, чем тот, который был ранее – инсценирование ожидания бедствий и катастроф обязывает нас принять превентивное действие» [10, с.11]. Парадоксальным образом восприятие будущего как катастрофы не преодолевается расширением научного знания. Напротив, сама наука только усиливает эти ожидания, т.к. продуцирует все больше сомнений.

Помимо усиления катастрофизма в общественном сознании как способа проектирования будущего, изменяется и сам концепт катастрофы. Он приобретает ряд особенностей: во-первых, катастрофы перестают быть единовременными событиями и превращаются в процессы; неизмеримо возрастает их временная и пространственная протяженность [11, с.74]. Катастрофы приобретают структуру сети: катастрофа разворачивается во времени и пространстве, постепенно колонизируя все новые области. Она длится во времени, медленно затухая, охватывая новые регионы и места внутри общества. Катастрофическое событие, произошедшее в одном конце сети, порождает волну, которая подобно цунами, несет разрушительную энергию в разные «регионы» общества: через сети волны возмущения «рутинного» порядка повседневности расходятся в разные стороны. Такие импульсы производит любое событие, идентифицируемое как катастрофа: теракт, природное бедствие, техногенная авария, вспышка заболеваний, социальный конфликт и т.п. Разрушение из одной сферы

выплескивается в другую и уже не понятно, что является причиной чего. Общество становится все более прозрачным, проницаемым для катастроф, а значит и более уязвимым, более хрупким. «Все яснее люди осознают хрупкость окружающего мира» [12, с.156].

Милитаристическая идеология построения систем безопасности не способна справиться с действием таких катастроф. Ответом на такие вызовы становится лишь усиление секретности, контроля, громоздкости этих систем. Это продуцирует новые риски и отнюдь не снижает существующие системные. В этой связи, представляется обоснованным переход к более гибкой системе безопасности, которая позволит работать с катастрофами на микроуровне повседневной жизни. Так, Н. Л. Смакотина говорит о необходимости формирования «новой парадигмы обеспечения безопасности, которая предполагает отказ от чисто силовых, военно-политических способов решения проблем национальной безопасности и признание безопасности системным свойством и способностью обеспечения стабильности развития в условиях конфликтов, неопределенности и риска» [13, с.181].

Для того чтобы сделать шаг к «гибкой» стратегии нам необходимо отказаться от представления о системе безопасности как механизме, который должен реагировать на четко определенный набор угроз. Систему безопасности необходимо переориентировать на работу с рисками. Риск наделен амбивалентной сущностью, с одной стороны – он, то чего еще нет, чистая возможность (а значит, может никогда и не реализоваться); с другой, риск реален, мы должны его учитывать, принимая какие либо решения сегодня. Тем самым риск направляет наши действия, воздействует на действительность, поэтому он становится реальным. Риск является своеобразным гибридом возможности и действительности, угрозы и блага. Это некая сущность, которая заполняет пространство между вещами объективного мира, среда, в которую погружено общество.

Риск представляется нам своеобразным инструментом взаимного перевода между природой и техникой, экономикой и культурой, обществом и политикой, вещей и идей. Это универсальный язык, на котором в современном мире устанавливают коммуникацию разные «участки» сетей социальных действий, тем самым образуя новую целостность, новое единство раздробленного общества.

Пересмотр идеологии безопасности в современном обществе риска невозможно начать без обращения к концепции качества жизни. Термин «качество жизни» прочно вошел в научный дискурс и в словарь нашей повседневности, однако это понятие остается неясным сегодня, как и пятьдесят лет назад. Экономист Дж. Гэлбрайт предложив эту концепцию, ввел в экономический дискурс новое измерение – «повседневную жизнь» людей. В «государстве всеобщего благосостояния» благополучие общества невозможно репрезентировать только через макроиндикаторы, такие как ВВП, ВНП и т.п. Возникает необходимость обратиться к чувствам, переживаниям, ощущениям людей. Концепция качества жизни и задумывалась как своеобразный механизм, преобразующий ментальные состояния (счастье, удовлетворенность, благополучие) в некие понятные обществу сигналы.

Однако существующие сегодня определения качества жизни не смогли выйти за рамки эконоцентричных линейных моделей. Так или иначе, они сводятся к одной базовой идее: «за основу берется соответствие разных сторон жизни потребностям, интересам, ценностям и целям людей» [14, с.60]. Такой взгляд на качество жизни исходит из ряда допущений: что существует прямая связь между ментальными состояниями и количество потребляемых благ; что человек очень точно осознает свои интересы и потребности и знает способы их удовлетворения; что потребности человека рациональны и человек способен соотносить собственные интересы с интересами общества; что человек способен произвести калькуляцию доступных благ и принять рациональное решение, руководствуясь принципом оптимизации выгоды и т.д. На деле такой взгляд на человека лишь легитимизирует идеологию потребительства, придает ей более «рафинированный» характер.

Качество жизни – важнейшая идея в исследовании современного общества. Поэтому ее необходимо наполнить новым содержанием и связать с идеей безопасности. В глобальном обществе риска (концепция У. Бека) подлинное качество жизни определяется степенью защищенности от рисков и неопределенности хаотичного мира. Безопасность на уровне повседневных практик, прочность «рутины» формирует кокон «онтологической безопасности» (Э. Гидденс). Качество жизни прямо зависит от «прочности» нашей повседневной жизни.

Можно выделить несколько уровней безопасности: макроуровень (уровень биологического выживания популяции); мезоуровень (уровень безопасного существования индивида в социальной группе); микроуровень (уровень человеческих интеракций) [15, с.32–34]. Когда мы говорим о безопасности как о критерии качества жизни, имеется в виду уровень микробезопасности, который характеризует способ организации повседневных практик, рутинные процессы, образующие онтологический каркас повседневности. «Массовое вторжение дезорганизационных рисков в инертную и зачастую малочувствительную даже к макрособытиям рутину повседневности свидетельствует о глубине и размахе дезорганизационных процессов, охвативших все общество» [15, с.34].

Это проявляется там, где «человек сталкивается с ситуациями, где он не может:

- руководствоваться прежде конвенциональными нормами взаимодействия;
- выдвигать адекватные и прежде понятные и соотносимые со средствами их достижения в интеракции цели;
- соотносить свое поведение со стабильной статусно-ролевой структурой;
- воспринимать и осмысливать происходящее с позиции прежде легитимной картины мира;
- иметь гарантии адекватности и относительной предсказуемости поведения другого и личной безопасности в ситуациях взаимодействия;
- адекватно ощущать темп календарного и социального времени, своевременность/несвоевременность происходящего или планируемого;
- извлекать ресурс или «обобщенный кредит власти» (П. Блау) в ситуации элементарного обмена, либо иметь гарантии подчинения «должника» и т.д.» [15, с.34].

Т.е. разрушается «привычный», «знакомый» мир, рутинность которого обеспечивало субстанциональное основание общества. Разрушается качество жизни, т.е. совокупность природных, технических и социальных систем, нормальное функционирование которых позволяло действовать «рационально», «по правилам». Это и есть ситуация катастрофы – повседневность больше не контролируется человеком, мир привычных вещей выходит из повиновения. Э. Карантелли отмечает, что для социолога было бы приемлемо понимание катастроф «как социальных происшествий, наблюдаемых

во времени и пространстве, в которых общественное бытие... подвергается разрушению в повседневной общественной деятельности» [16, с.3].

Динамизм современного мира достиг некоего предела, за которым начинается турбулентность, чреватая нестабильностью и неустойчивостью. Мир стремительно становится «незнакомым» и «неопределенным». Эти фундаментальные смещения «системы координат», в которых располагается общество, требуют коренным образом изменить подход к обеспечению безопасности. Обнаружившаяся хрупкость, непрочность больших социальных систем, таких как государство, заставляет нас переходить на новый масштаб конструирования безопасности – на микроуровень социального мира. Тем самым создается необходимая устойчивость и эффективность систем безопасности. Однако данная процедура невозможна без обращения к категории «качество жизни».

Список литературы

1. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знания. – М.: Логос, 2010.
2. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2006. – Ч. 3. – 320 с.
3. Корбут А. М. порядок на местах, или Борьба с безопасностью // Социологическое обозрение. Т. 11. – № 3. – 2012. – С. 155–163.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс–Традиция, 2000.
5. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект–Пресс, 1996.
6. Яницкий О. Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // СОЦИС. – 2012. – № 6. – С. 3–12.
7. Бек У. Жизнь в обществе глобального риска – как с этим справиться: космополитический поворот. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gorby.ru/userfiles/lekciya_ulrih_beka.pdf
8. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова. Серия «Научные доклады», № 96. – М.: Моск. общественный науч. фонд; ИС РАН; Ун–т штата Мичиган, 1999. – 347 с.
9. Кравченко С. А. К итогам X конференции ЕСА // СОЦИС. – 2012. – № 3. – С. 6–13.
10. Beck U. World at Risk. – Cambridge: Polity Press, 2010.
11. Бабосов Е. М. Катастрофы: социологический анализ. – Минск: Навука і тэхніка, 1995. – 472 с.
12. Турчин А. В. Проблема стабильного развития и перспективы глобальных катастроф // ОНС. – 2010. – № 1. – С. 156–163.
13. Смакотина Н. Л. Основы социологии нестабильности: философский, социологический и социально-психологический аспекты. – М.: КДУ, 2009. – 242 с.
14. Качество жизни: Краткий словарь. – М.: Смысл, 2009. – 168 с.
15. Общество безопасности как альтернатива обществу риска. – М.: АНМИ, 2006. – 212 с.
16. Quarantelli E. L., Wenger D. Disaster. An Entry for an Italian. Dictionary of Sociology. Delawer, 1985.